

неприкосновенный запас 4 [Обо] 2008

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

	003	1968-й: неслучившаяся революция или революция non-stop?
ПОВЕРХ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ГРАНИЦ	008	ДЖОВАННИ АРРИГИ, ИММАНУИЛ ВАЛЛЕРСТАЙН, ТЕРЕНСХОПКИНС. 1989-Й как продолжение 1968-го
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ	031	Сорок лет спустя <i>Страницы АЛЕКСАНДРА КУСТАРЕВА</i>
КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ	038	ФЕДОР ЛУКЬЯНОВ. Добро с кулаками: 1968 год и мировая политика
СОЦИАЛИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ	053	ДМИТРИЙ ТРАВИН. Между социализмом и капитализмом: реформаторы-68 в поисках оптимального пути
	069	АЛЕКСАНДР БОБРАКОВ-ТИМОШКИН. Символ «чешской судьбы»: 1968 год в контексте «споров о смысле чешской истории»
	084	ТЕРЕЗА БОГУЦКА. Польша в 1968 году: «Свобода, в которой мы так нуждались, для других была само собой разумеющимся фактом»
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	090	Социализм как утопия <i>Страницы АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОНА</i>
COMPARATIVE STUDIES: 1848, 1918, 2008	095	ЯРОСЛАВ ШИМОВ. Укрощенная революция: три лика бонапартизма
	114	МИЛАН ГЛАВАМКА. «Весна народов» в Центральной Европе. Историческое наследие революции 1848-1849 годов в Австрийской империи (на примере чешских земель)
	125	ЮРИЙ ДРАКОХРУСТ. Белорусская Народная Республика как улыбка Чеширского кота (к юбилею первой Белорусской республики)
СССР И РФ: «ЛИЦОМ К БРАТСКИМ НАРОДАМ»	131	АЛЕКСАНДР ДАНИЭЛЬ. 1968-й в Москве: начало
	141	ЛЕВГУДКОВ. Пражская весна 1968 года в оценках российского общества (сорок лет спустя)
НЕОТРЕДАКТИРОВАН- НАЯ ПАМЯТЬ	152	На идеологическом посту: 1960-е. Воспоминания сотрудников ЦК КПСС
ОЧЕРКИ НРАВОВ	169	НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ. Легенда нашей демонстрации: сорок лет спустя

жизни в убежищах под охраной полиции. Смелость эстетического вызова редко сопровождается смелостью художника в жизненных обстоятельствах. С другой стороны ^Аль-Каида» и пышнобородые иранские аятоллы не проводят жизнь в чтении западных романов, просмотре фильмов и посещении театров и выставок современного искусства. Они замечают только то, что хотят заметить, и только тогда, когда им это нужно. Но британский интеллектуал (который к тому же может скрыть свою панику за разговорами о политкорректности) предпочитает не рисковать. Гениальное *Don't mention the war* из «Башней Фолти» они заменили на *Don't mention Islam*. Что же до французов, то их можно не бояться: они же «свои», им не привыкать. Бояться не своих, боятся чужих, бывших своих рабов, которых раньше изучали, чтобы подчинить, а теперь просто стараются не упоминать. Такова постыдная логика постколониального времени.

Что же до книги Робба, то в конце апреля она выиграла британскую премию *Ondaatje Prize*. Автор ее, проехавший 14 тысяч миль на велосипеде по французской глубинке, получил десять тысяч фунтов. Что же до англо-французской «войны слов», то она продолжается.

КИРИЛЛ КОБРИН

«Ich werde es te vergessen». Briefe sowjetischer Kriegsgefangener 2004-2006
Berlin: Ch. Links Verlag, 2006. - 272 s.

«Этого я никогда не забуду». Письма советских военнопленных: 2004-2006.

14 Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов: В 7 т. М., 1961. Т. 7. С. 375.

15 ШТРАЙТ К. Советские военнопленные в Германии // Россия и Германия в годы войны и мира. М., 1995-с. 294-296.

16 Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 28.

«Я написал короткое письмо, но я раскрыл свое сердце. Мое желание: воспитывайте немецкую молодежь в духе дружбы с нами», - эти слова одного из авторов книги Сергея Полтавченко, обращенные к зарубежным друзьям, могли бы послужить эпиграфом к сборнику писем бывших советских пленных, писем, адресованных в страну прежнего противника. Рассматриваемые эпистолярные источники, в их совокупности, представляют сгусток горькой правды и скорбной памяти о гибели и муках миллионов людей, о равнодушии властей к людям, пострадавшим победу над фашизмом. Перед нами не абстрактные жертвы режима, но - старые, недужные люди, отринутые собственной страной, десятилетиями несшие в себе свою память и свое мужество.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками безоговорочно осудил обращение с советскими военнопленными как проявление «особенной бесчеловечности», как «результат систематического плана совершения убийств»¹⁴. Из 5,7 миллионов советских военнопленных, оказавшихся в немецкой неволе, погибло до конца войны 3,3 миллиона, то есть 57,9%. В 1941 году вермахтом было пленено 3,4 миллиона красноармейцев и командиров. К январю 1942 года 2 миллиона из них пали жертвами расстрелов, эпидемий, голода и холода¹⁵.

Но и выживших в неволе и вернувшихся на родину военнопленных ждала трагическая судьба. Приказ Ставки Верховного главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 года объявлял предателями военнослужащих Красной армии, оказавшихся в руках врага, а их семьи - подлежащими преследованиям¹⁶. Их мучения не прекратились и после окончания войны.

Позорная дискриминация бывших плен-ных продолжалась несколько десятилетий. Только в июне 1956 года было издано постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, признавшее военнопленных участниками войны. В январе 1995 года был опубликован указ президента Российской Федерации, восстановивший в правах бывших военнопленных и квалифицировавший отношение к ним как политические репрессии. Трагическая абсурдность ситуации состояла в том, что властями СССР, а затем Российской Федерации была объявлена гражданская реабилитация тысяч и тысяч верных сынов отечества, никаких преступных деяний против него не совершавших". Указ требовал «изыскать источники финансирования» для выплаты компенсаций бывшим советским пленным. Но это решение так и не было выполнено. Чиновники полагали, что этим должны заниматься не в Москве, а в Берлине.

В 1999 году в Германии был создан федеральный фонд «Память, ответственность и будущее». Через год от имени государственных органов ФРГ начались выплаты компенсаций бывшим узникам концлагерей и гетто, остарбайтерам. Бывших военнопленных в этом списке не оказалось. В решении одной из высших немецких судебных инстанций было сказано: «Пребывание в плену не дает права на материальную помощь». Крут равнодушия замкнулся.

Что здесь сыграло основную роль: инерция холодной войны, алчность известных германских фирм, казуистика немецких юристов, безразличие российских дипломатов, которые вели переговоры с властями ФРГ?.. Прошедшие через ад советские военнопленные оказались жертвами и заложниками двух тоталитарных диктатур и двух демократических режимов.

17 Полян П. *Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине.* М., 2002. С. 589,668.

Историческую несправедливость попыталась исправить немецкая общественная организация, в имени которой сопряжены латиница и кириллица: «Kontakte-Контакты». Основателями общества стали интеллектуалы, выступающие за активное партнерство России и Германии. Среди них художник Эберхард Раджувайт, историки Клаус Майер и Петер Ян, евангелический пастор Манфред Рихтер. Деятельность общества стала органической частью движения германской общественности за альтернативную, негосударственную помощь забытым жертвам «третьего

рейха». В уставе общества записано, что оно «способствует укреплению толерантности в отношениях между народами, воспитанию в духе демократии и взаимопонимания».

Среди авторитетных руководителей «Контактов» - Хильде Шрамм, защитившая докторскую диссертацию по проблемам воспитания, представлявшая в городском собрании депутатов Берлина Партию зеленых и являвшаяся вице-президентом столичного парламента. Но для немцев фрау Шрамм - прежде всего

дочь нацистского военного преступника Альберта Шпеера, искупающая грехи поколения приверженцев нацистского режима¹⁸. Именно по ее инициативе в 2004 году общество «Контакты» был начат по всей Германии сбор добровольных пожертвований в пользу выживших советских военнопленных. Она передала на эти цели полученную ею премию имени Мозеса Мендельсона. Правление общества обратилось к гражданам ФРГ с призывом перечислить дневной заработок. Реальную поддержку в сборе средств оказали профсоюзные объединения. Призыв к солидарности был опубликован бывшими немецкими солдатами, находившимися в плену в Советском Союзе. Это была акция гражданского мужества.

Тысячам бывших советских пленных - гражданам России, Украины, Белоруссии, Армении - были направлены переводы по 300 евро. Суммы, по германским меркам, очень небольшие, но пришедшиеся как нельзя кстати пожилым и больным людям, живущим в тяжелых условиях. Руководители общества «Контакты» обратились к ним с просьбой рассказать о себе, о мучениях плена и о своей нынешней жизни. За короткий срок было получено несколько сот писем. В сборнике в немецких переводах опубликована только малая толика посланий - 60 писем: больше половины из России, остальные из Белоруссии и Украины¹⁹. Письма, пришедшие из различных регионов бывшего СССР, очень разнятся по стилю, по объему - от неполного тетрадного листка до многостраничных воспоминаний обделенных судьбой ветеранов. География их от Бреста до Новокузнецка, от Херсона до Ярославля.

18 Случай в ФРГ не единственный. Ильзетрауд Липхардт - дочь коменданта лагеря советских пленных, расположенного на территории Польши, разыскала двух бывших узников этого лагеря и ежемесячно помогает им из своих личных средств.

19 Часть писем, не вошедших в сборник (в оригинале, на русском и украинском языках, с сохранением стилистики эпистолярных источников), размещена на сайте «Контактов» (www.kontakte-Kontakty.de/russisch/pismasowwoenplen.htm). Каждую пятницу Эберхард Раджувайт публикует письма бывших советских пленных, вновь поступающие в адрес общества (адрес электронной почты: info@kontakte-kontakty.de).

Разумеется, бывшие пленные, обращаясь к Эберхарду Раджувайту и Хильде Шрамм, выражали искреннюю благодарность за материальную поддержку со стороны незнакомых граждан враждебного в прошлом государства. Но главным было ощущение простого человеческого внимания к себе, которого они были лишены всю свою жизнь - с молодости до старости. И то, о чем они не могли промолчать: незаживающие раны обиды на собственную страну.

Николай Кузьменко: «Я не мог поверить тому, что в далекой Германии через 60 лет после войны есть люди, которые могут нам помочь! Но, слава Богу, это возможно»; Иван Заблоцкий: «Когда я писал это письмо, передо мной вновь предстало все, что я пережил, все беды, потери друзей и родственников, голод и разрушения»; Николай Бондарев: «Меня очень тронула ваша память и ваша забота о таких людях, как я»; Василий Шинкарь: «Когда я получил ваше письмо, я не спал всю ночь и со слезами на глазах окупился в воспоминания о моей юности» (с. 116,147,171,166). «Мне стыдно за наши власти, - пишет Дмитрий Дмитриенко. - Мы выиграли эту проклятую войну, напряженно трудились после войны, а теперь вынуждены просить помощи у тех, кого мы победили» (с. 47).

В каждом письме содержатся сдвиги души свидетельства бесчеловечного обращения оккупантов с советскими пленными. Сергей Полтавченко, который раненым попал в руки противника в июле 1941 года и оказался в лагере Хаммерштайн, в Восточной Пруссии, свидетельствует: из 20 тысяч узников лагеря к весне 1942 года в живых осталось 200 человек. Борис

Шеремет: «Лагерь располагался в густом сосновом лесу, мы сдирали ногтями кору и ели ее. Вскоре все деревья в лесу стояли голыми». Вспоминает Федор Диденко: на заводе фирмы «Сименс», в западной части Берлина, в 1944 году было занято около 50 тысяч (!) военнопленных и принудительных рабочих. Во время бомбардировок рабочие переходили в бомбоубежище, а пленных запирали в цехах. Вот что неизгладимо врезалось в память Максима Тебенко: «Лагерь представлял собой окруженное колючей проволокой пространство под открытым небом. Мы голодали. Иногда привозили немного зерна и с грузовика сваливали на землю. Голодные пленные дрались друг другом, немало людей погибло'. Немцы-охранники цинично потешались над этим трагическим действием». Из письма Владимира Маргевского: «Немцы, взрослые и дети, бросали в нас камнями и считали нас животными. На нас приходили смотреть, как в зоопарк». По словам Михаила Леонтьева: «Немцы не считали нас за людей, бросили нас за колючую проволоку и оставили умирать под открытым небом. До сего дня мне непонятно, до каких пределов один человек может унижать другого». И, как выражение общих чувств и общей памяти, слова Федора Соловьева: «Когда я оглядываюсь назад, то не могу понять, как живой человек может выдерживать такие страдания» (s. 70,79,176,76, 241, 58, 92).

Тем удивительней читать слова Дмитрия Дмитриенко: «Я мог бы рассказать о многих ужасных вещах, но в моем сердце нет ни капли ненависти, потому что простые немцы в этом не виновны»; Степана Коваленко: «Несмотря на то, что я прошел сквозь ад плена, я никогда в жизни не говорил плохих слов о немцах» (s. 45,49).

В океане варварства «третьего рейха» все же существовали островки добра и милосердия. Николай Дьяченко пришел к следующему выстраданному выводу:

«Я прожил долгую и сложную жизнь, но на моем пути мне всегда встречались добрые люди. И немцы были разными: одни меня мучили, а другие тайком делились со мной куском хлеба». Из письма Николая Кузнецова: «Комендантом лагеря был обер-ефрейтор, немец. Его фамилии я уже не помню. После своего назначения он добивался того, чтобы прекратились мучения и издевательства, чтобы улучшилось наше питание. Однажды я спросил его через переводчика, не коммунист ли он. "Нет, - ответил он, - но я человек. Вы тоже люди, и вы заслуживаете не унижений, но моего сочувствия"». Владимир Невидомский: «Среди охранников попадались и хорошие люди, которые разрешали нам подобрать с земли картофелину или свеклу. Но таких было только два или три. Другие нас за это застрелили бы. Они не считали нас за людей» (s. 129, 212,95).

Николай Беляк, едва не погибший от непосильного труда в угольной шахте, делится сокровенным: «Как я выжил, знает только Бог. Я чудом остался в живых... Мой немец не только помогал мне в работе, он приносил мне из дому еду на завтрак... С Гансом, так его звали, мы проработали вместе 14 месяцев. Его фамилию я, к сожалению, не знаю. Он звал меня "Никола". Верьте мне или нет, но Ганс был для меня искрой надежды в ужасное время». Поразительна история спасения Хоны Айзенштейна: «Мне представляется невероятным, что в центральной Германии, затем в Рурской области и в лагере были люди, которые знали, что рядом с ними находится еврей и хранили об этом молчание. И это были немцы!» (s. 186,190). Эммануил Сосин, узник лагеря близ селения Хайгер (Гессен), называет в письме имена помогавших ему немецких граждан: Альберт, Карл, Пауль, Гуго, мастер Линдберг, повар Эвальд... По просьбе Павла Бондаренко сотрудникам «Контактов» удалось отыскать немецкого врача, который спас пленному жизнь и

запомнил своего пациента - «Пауля с Украины» (с. 196, 136).

Неизбывной горечью проникнуты письма, повествующие о трагедиях советских пленных, наступившей после репатриации. Даже если авторам писем удалось миновать этапирования в спецконтингент, лесоповала в Сибири или угольных разрезов в Кузбассе (Федор Соловьев: «Мы попали из одного ада в другой»), унижения сопровождали их долгие десятилетия. Они были обречены на судьбу второсортных, пожизненно находящихся на подозрении граждан. Только в 1992 году был отменен постоянно сопровождавший миллионы советских граждан и ставший для них «анкетным проклятием» вопрос «личного листка по учету кадров»: «Находились ли вы или ваши родственники в плену или на оккупированной территории?».

«За плен мне пришлось заплатить цену, которой я никак не ожидал, - пишет Борис Широков. - Со мной обращались как с врагом народа». О том же - Степан Коваленко: «Не хватит никаких слов, чтобы описать мои страдания в плену. Но и после возвращения на родину я узнал немало бед. Я, как бывший военнопленный, жил с клеймом предателя, лишенный признания и уважения». Горькие слова содержатся в письме Бориса Провальского: «На нас поставили печать преступников, как будто мы были виновны в наступлении вермахта в 1941 году. Виновниками были те, кто тогда поверил Гитлеру, и те, кто в 1934-1941 годах уничтожил командиров высшего и среднего звена» (с. 91, 122, 48, 105).

Но бывшие военнопленные не утратили веры в будущее наших народов. Они исполнены решимости противостоять амнезии, вырвать из забвения трагические страницы прошлого для того, чтобы оно не повторилось вновь. «Прошу вас, - призывает Борис Широков, - объясняйте вашей

молодежи, что мир и уважение к людям имеют неоценимое значение. Нет ничего важнее на земле, чем жизнь человека, без различия, к какой нации или к какой религии он принадлежит. Я охотно посетил бы в Берлине памятник дружбы наших народов и находящийся рядом памятник во имя достоинства пленных» (с. 121).

Деятельность общества «Контакты» не ограничивается проектом по оказанию материальной помощи и организации переписки с бывшими военнопленными. Среди проектов общества - поездки в Германию ветеранов войны из стран СНГ, встречи деятелей искусств, школьников, помощь жертвам Чернобыля и детям, больным лейкемией. В мае 2008 года была выпущена книга, в которой собраны подробные интервью с 27 бывшими пленными, проживающими в Волгограде и Волгоградской области²⁰. Общество «Контакты», ставшее по-настоящему нравственной инстанцией, продолжает свою работу в направлении, определенном в его программном документе: «Демократическое воспитание на Востоке и Западе является необходимым условием построения гуманного общества»²¹.

АЛЕКСАНДР БОРОЗНЯК

Современные интерпретации русского национализма

Под редакцией МАРЛЕН ЛАРЮЗЛЬ
Stuttgart: /Шет-Verlag. - 340 p.
Серия «Soviet and Post-Soviet Politics
and Society»

Сборник посвящен, по утверждению редактора, «национализму националистов» (с. 8), хотя заявленное намерение не всегда соблюдается. Под национализмом понимается не столько этнический русский национа-

²⁰ *Zu Cast in Wolgograd. Begegnungen mit ehemaligen sowjetischen Kriegsgefangenen.* Berlin, 2008.

²¹ См.: www.rkontakte-kontakty.de/russisch/onas.htm